

действием другой, усиливает его. Первая причина является вполне объективной: известно, что в активном словаре одной языковой личности (соответственно в ее АВС) никогда не используются все значения и употребления слов, этот лексикон составляющих. Некоторые слова в порождаемых этой личностью текстах раскрывают свой семантический потенциал полностью, другие же — и таких большинство — никогда не реализуют все свои допустимые нормой значения. Справедливость этого положения была проверена, в частности, и на материале словаря А. С. Пушкина: языковая индивидуальность, даже на протяжении целой жизни, не употребляет в своих устных и письменных текстах всех значений слов, в эти тексты входящих, как и не использует всех теоретически возможных словоформ [27]. Так что в этом отношении индивидуальное ассоциативное поле лишь иллюстрирует универсальное правило: не все фиксируемые нормой значения глагола ХОДИТЬ актуализуются в речевой практике нашего информанта.

Вторая же причина, усиливающая обсуждаемый эффект, наоборот, сугубо частная, субъективная и порождена конкретными условиями эксперимента. Это то самое «возмущение среды», которое неизбежно вносит во всякое взаимодействие с ней наблюдатель, т. е. ставящий эксперимент исследователь. В нашем случае можно предположить, что у информанта, очевидно, с самых первых его реакций (а первые реакции актуализируют, как мы показали, основное значение слова), сформировалась совершенно определенная установка на связь этого, уже реализованного однажды, основного значения с хорошо ему известными лицами, проводящими опрос и предъявляющими ему соответствующий стимул. Эта установка, или своего рода условный рефлекс, дал себя знать и в реакциях на другие десять стимулов, в числе которых предъявлялся контрольный, и ассоциативные поля которых тоже отмечены высокой степенью устойчивости и однообразия.

Могут ли эти соображения поставить под сомнение правомерность самого эксперимента и достоверность результатов? Мы полагаем, что не могут, поскольку влияние экспериментатора представляет собой лишь добавочный фактор, в какой-то мере усиливающий объективно действующую закономерность.

Обратимся далее к когнитивному и прагматическому уровням. Здесь мы имеем, собственно говоря, только фразеологические реакции, число которых, так же как в массовом поле, относительно велико, и одну реакцию, которую с некоторой натяжкой можно интерпретировать как метафорическую.

15. ХОДИТЬ *по краю* (вар. *по обрыву*), *по лезвию* (вар. *по острию*), *налево* — 5 разных реакций с частотой 22. Если не учитывать различающихся в двух полях вариантов одной ФЕ, то фразеология индивидуального поля целиком входит во фразеологию массового, значительно превосходящего индивидуальное в этой части, за исключением одной единицы: *ходить налево*. Этот просторечный фразеологизм, надо заметить, отсутствует и в словарях Молоткова [29], Федорова [30], Ожегова [31].

16. Что касается словосочетания, квалифицированного нами как метафора, то оно может допускать и непереносное, прямое прочтение: ХОДИТЬ *во мраке*. Однако мы решили истолковать его, так сказать, в пользу испытуемого, основываясь, в частности, на довольно распространенных в АВС синтаксических конструкциях с опущением сравнительного союза: *белый снег* и *белый как снег*, *белая стена* (< белый как стена), *белый медведь* и *белый как медведь* и т. п. [6].

Параллелей со структурами 17 (наглядно-изобразительная реакция), 18 (генерализованные высказывания¹¹), 19 (прецедентные тексты) и 20 (оценочная реакция) в индивидуальном поле не оказалось. Зато в нем отчетливо проявились такие прагматические характеристики языковой личности, которые связаны с ее

¹¹ Отсутствие реакций типа «*ходить* значит развиваться физически» обусловлено и тем, что в индивидуальном поле не актуализовано значение стимула «двигаться вообще» (см. выше).